

Еще раз о проблеме легитимации частной собственности в православии

Аннотация

Статья продолжает дискуссию об особенностях легитимации частной собственности в православии. В статье приведены аргументы о целесообразности исторического экскурса в отношении церковных догматов касательно частной собственности в восточном и западном христианстве. В западном христианстве благодаря дискуссиям средневековых теологов и энцикликам римских пап проблема защиты и неприкосновенности частной собственности получила нормативный характер. В православии, напротив, вопрос собственности актуализировался благодаря сотрудничеству церкви с крупными собственниками и поэтому не приобрел необходимых этических аспектов в общественном сознании. Автор подчеркивает проблематичность применения экспланаторно-аналитической парадигмы в изучении религиозных факторов легитимации частной собственности, поскольку феномен легитимации имеет изменчивый характер.

Ключевые слова: *православие, легитимация, частная собственность, собственники*

Дискуссии в научном сообществе служат залогом поддержания должного уровня социологических исследований, являясь важной предпосылкой верифицированности и приращения научного знания. Состязательность теоретических взглядов и интерпретаций, полемика по поводу применения методических и методологических подходов формирует высокую социологическую культуру и побуждает ученых быть более ответственными при написании статей. К сожалению, в украинской социологии такой жанр крайне редок. Те отклики на научные работы, которые появляются на страницах профессиональных изданий, в основном констатируют содержание этих работ и

обычно содержат доброжелательные пожелания. Недостает критических научных дискуссий с дальнейшим предложением своего видения решения проблемы. Приятной неожиданностью оказалось внимание М.Гацкова к моей статье “Особенности легитимации частной собственности в православии” [Рахманов, 2010]. Автор не только выражает критическое отношение к применению исторического экскурса касательно противоречивого характера православных догматов относительно частной собственности, но и представляет экспланаторно-аналитическую схему объяснения макрофеноменов через микроуровень в виде “ванны Коулмена” [Гацков, 2011].

Феномен легитимности того или иного объекта определяется как его субъективно осознанная правомерность, законность или приемлемость на разных началах — культурном, религиозном, социально-экономическом, политическом, правовом и т.п. В условиях определенной исторической ситуации легитимность объекта формируется на некоторых первоочередных основаниях. Нормативно-правовое упорядочение существования частной собственности во времена античности и в Средневековье базировалось преимущественно на религиозных толкованиях, поскольку античный и средневековый человек в своих морально-этических убеждениях руководствовался конкретной религиозной системой верований. В эпоху развития капиталистических отношений, модернизации и распространения среди населения грамотности нормативная система расширилась, помимо религиозных принципов начали распространяться философские и рационально-критические толкования института частной собственности. В процессе подобного расширения религиозные основания существования частной собственности сузились. В период модерна все большее значение приобретали политические и экономические факторы легитимации частной собственности. Поэтому, анализируя проблему легитимации частной собственности в православии, нужно иметь в виду, что в современных условиях религиозный фактор является лишь одним из известных факторов. К тому же религиозные установления, касающиеся различных социальных феноменов, исповедует незначительная часть современных обществ. Учитывая тот факт, что территории постсоветских обществ долгое время находились под властью, тотально уничтожавшей любые проявления религиозности в социализации населения, можно предположить, что возрождение института религии будет продолжаться довольно долго. Следовательно, преждевременно считать религиозные догматы, в данном случае православные, определяющими в отношении людей к частной собственности и тому слою, который ею обладает.

Обращая внимание на адаптацию православной идеологии и ее институтов к общественной реальности, М.Гацков требует вывода о направлении причинно-следственной связи между церковными догматами и социальными отношениями, указывая на противоречие между процитированным утверждением В.Смакоты о том, что православная этика не заложила духовных основ для создания человека буржуазного типа, и тезисом, согласно которому основные православные догматы долго не могли адаптироваться к конкретной исторической эпохе. Однако аналогичные выводы можно найти и в отношении других религиозных конфессий. В частности, можно встретить эмпирические подтверждения тезиса Вебера об обусловленности успешного экономического поведения вероисповеданием, равно как и множество эмпирических опровержений данного тезиса. П.Бергер обнаружил,

что веберовские теории в определенной мере получили воплощение в Латинской Америке, где протестантское меньшинство, особенно пятидесятники, более успешно, чем католическое большинство [Berger, 1999]. В Африке индивидуалистское протестантское учение, в котором Бог одобряет финансовый успех, более популярно среди успешных людей, нежели акцентация католиков на “освобождении” бедных как класса. Южные корейцы (как в своей стране, так и иммигрировавшие в США) часто переходят из буддизма в протестантизм, когда достигают экономического успеха [Зв’язки Господні, 2011]. Вместе с тем современные исследования доказывают, что вера может лишь частично определять экономическое поведение. Оказалось, что в современной Германии экономический успех чаще определяется образованием, нежели религиозной принадлежностью: если протестанты и католики получали одинаковое образование, то и достигали одинаковых успехов [Becker, Woessmann, 2009]. Аналогично можно опровергнуть связь современных экономических проблем Греции с православным вероисповеданием ее населения. В частности, американцы греческого происхождения, исповедующие православие, весьма успешны в бизнесе [Зв’язки Господні, 2011]. Очевидно, что ответ кроется в институциях, благодаря которым легче достичь экономического процветания.

Не согласен с утверждением Гацкова, что “напоминание некоторых исторических фактов и воспроизведение элементов теологического дискурса несколько не проливают свет на механизмы общественных изменений, интересующие социологию” [Гацков, 2011: с. 152]. Рассмотрение проблемы частной собственности в православии как в разрезе самих православных догм, так и в разрезе отношений православной церкви с субъектами частной собственности (крупными собственниками) позволяет проследить особенности влияния социальных практик на, казалось бы, незыблемые нормативные препятствия на пути развития рыночных отношений на землях, где распространилось православие. Именно под влиянием времени избирательное толкование православных догматов церковниками и философами дало возможность безболезненно сочетать отсутствие традиций правового обеспечения существования частной собственности с деятельностью собственников частного капитала путем сотрудничества с церковью.

Избирательное толкование религиозных догм свойственно не только православию. Известно, что законы передачи наследства в исламской семье тормозили экономическое развитие, поскольку в условиях их действия было сложнее накапливать богатство. Однако в последнее время исследования демонстрируют, что при определенных условиях имеется сильная позитивная связь между исламской набожностью и капиталистическим успехом. Так, Т.Куран установил, что набожные бизнесмены из Центральной Турции, которые при помощи религиозных сетей накапливают капитал и расширяют бизнес, апеллируют к фрагментам из Корана, где оправдывается честная торговля [Kuran, 2004]. Впрочем, в последнем исследовании Т.Куран анализирует экономические успехи бизнесменов Индии в течение последних 200 лет, где представители разных верований до сих пор живут согласно разным родовым законам. Он полагает, что более высокие успехи бизнесменов, исповедующих индуизм, по сравнению с бизнесменами-мусульманами объясняются социальными практиками, позволяющими достичь семейного богатства. В результате того, что ислам требует делить наслед-

ство между дальними родственниками, капитал бизнесменов расплывается. Экономическое развитие исламского мира, по мнению Курана, тормозят институты вроде вакуфа — своеобразного исламского благотворительного фонда, позволяющего создавать рабочие места для своих родственников [Kuran, Singh, 2010]. Таким образом, вероисповедания, базирующиеся на единых догматах, могут довольно гибко реагировать на новые экономические обстоятельства, однако основывающиеся на религии экономические институты изменяются медленнее, чем религиозная догма.

Действительно, православные догматы, касающиеся богатства и частной собственности в целом, оставались неизменными до XIX века, что, впрочем, не означает, что все они полностью применялись при решении конкретной жизненной ситуации. А вот тезис об отсутствии в православии стимулов формирования буржуазного сознания абсолютно не соотносится с утверждением о дезадаптивности православных догматов, поскольку речь идет о двух совершенно разных социальных феноменах — способе экономического мышления и реакции религиозного института на динамику социальных отношений. Разумеется, в отличие от католической церкви, которая была самостоятельным социальным институтом и вынуждена была учитывать практические аспекты человеческой жизни, православная церковь благодаря своему подчинению монархам могла отрешиться от многих актуальных проблем, в том числе и от проблемы существования частной собственности. Именно исторический экскурс помогает нам понять, как реагировали восточная и западная христианские церкви на изменения институционального фона социально-экономической жизни. Если в западном христианстве благодаря дискуссиям средневековых теологов и ватиканским энцикликам проблема защиты и неприкосновенности частной собственности постепенного приобрела нормативный характер в широких массах, то в православии вопрос собственности актуализировался, как правило, благодаря сотрудничеству с крупными собственниками (с земельными магнатами эпохи феодализма и промышленниками — обладателями огромных состояний в период зарождения капитализма), а потому не нашло необходимых этических аспектов в сознании простых людей. В дальнейшем эта тенденция воспроизводилась во времена постсоветской трансформации. Таким образом, поставленный М. Гацковым вопрос “каким же образом, то есть через какие взаимоотношения *механизмы* изменения все-таки произошли — причем и в догматах, и в общественных отношениях” [Гациков, 2011: с. 152], на первый взгляд справедлив, если принимать во внимание, скажем, православные догматы и экономические отношения, с другой стороны — этот вопрос представляется довольно странным и наивным, поскольку речь идет об изменчивом феномене *легитимации* частной собственности в православии.

Речь идет об определенном представлении о месте частной собственности в социальных отношениях людей. Феномен легитимности в данном случае отражает сопряжение сознания индивидов с институциональным порядком существования частной собственности через наделение ее определенной степенью субъективной значимости и естественности существования. Как отмечает В. Резник, “основы легитимности составляют социальная практика, общественное мнение, социальная солидарность и консенсус. Из-за непостоянства этих устоев легитимность не является постоянным качеством, а ее объект не может быть абсолютно легитимным/нелегитимным”

[Резник, 2010: с. 468]. В условиях социальной аномии, которая так присуща переходным обществам, основами легитимности определенного объекта часто становится не общественное мнение, а социальная практика. К тому же можно предположить, что подобная схема срабатывала в прошлые века, когда отсутствие нормативного обеспечения функционирования института частной собственности в православном мире компенсировалось социальной практикой взаимодействия церкви и крупных собственников. То есть именно сквозь призму формирования социальной практики можно трактовать учение М.Вебера о религиозных предпосылках формирования капитализма. В частности, В.Волков анализирует социальные изменения как изменения фоновых практик, сопровождающихся появлением соответствующих идентичностей, формальных институтов и идеологий. Он выделяет три способа изменения практик — артикуляцию, реконфигурацию и заимствование. Четкое описание моральных правил, попавших в фокус протестантских мыслителей, привело к их нормативному выражению и распространению в обществе (артикуляция). Реконфигурация религиозных практик произошла в результате превращения протестантской аскезы из маргинальной в центральную практику. И наконец, перенесение (заимствование) этих практик в хозяйственную и профессиональную деятельность послужило толчком для формирования особой социально-экономической системы [Волков, Хархордин, 2008: с. 23-24]. Именно при помощи такого рода механизмов можно было бы объяснять причинно-следственные связи на микроуровне между догматами православия и развитием капитализма, будь это задачей исследования. Однако феномен легитимации не имеет устойчивых качеств. Поэтому использование сложных схем исследования вроде “ванны Коулмена” для изучения изменчивых феноменов представляется малопрактичным. Современные реалии свидетельствуют о том, что в общественном мнении даже протестантских государств ставится под вопрос существование в социальной структуре западных стран группы богачей численностью в 1%, представляющей слой самых крупных собственников в западных обществах. Так, протестное движение “Occupy Wall Street” (“Захвати Уолл-стрит”) началось осенью 2011 года в Нью-Йорке и распространилось на все крупные города США и Европы. Основным политическим лозунгом этого движения стало “We are the 99%” (“Нас 99%”), что указывает на паразитирование именно этого 1% богачей. Очевидно, что подобные социальные практики способствуют делегитимации крупных собственников, но еще не указывают на делегитимацию капитализма как социально-экономического устройства общества.

Можно согласиться с мнением М.Гацкова, что следует эмпирически исследовать общественное восприятие сотрудничества церкви с большими собственниками частного капитала. Это замечание вполне уместно. Вместе с тем отдельные социологические факты могут косвенно доказать этот тезис. Среди социальных институтов церковь и духовенство пользуются одним из самых высоких показателей доверия со стороны населения постсоветских обществ. В данном случае не так важно, насколько уровень религиозности граждан влияет на их отношение к крупным собственникам, поскольку речь идет о культурном феномене легитимации, когда субъект легитимации (а здесь мы имеем в виду церковь и духовенство) учитывая высокий уровень доверия в обществе является своеобразным “лидером обществ-

венного мнения”, который своими позитивными отзывами о благотворительности состоятельных людей легитимирует их деятельность.

Отражение именно позитивного характера деятельности крупных собственников является наиболее весомой предпосылкой их легитимации в украинском обществе. Об этом свидетельствует исследование В.Резника, который проанализировал отношение населения Украины к разным категориям частных собственников. Оказалось, что собственники малых предприятий и собственники земли, обрабатываемой своими силами, вызывают больше симпатий, чем владельцы крупных предприятий и собственники земли, обрабатываемой наемными работниками. Резник предполагает, что своеобразным условием социальной легитимности частных собственников выступает их собственный труд, а условием социальной легитимности соответствующей частной собственности — ее трудовой характер. Причина социально-конструктивной природы малых предприятий и земель, обрабатываемых своими силами, видится в сочетании в лице их обладателя трех мотивов общественно значимого поведения: мотив собственника, мотив предпринимателя и мотив работника [Резнік, 2010: с. 462–465]. Аналогично позитивный характер деятельности крупных собственников в виде щедрых пожертвований в пользу церкви и реклама этих деяний духовенством позволяет “сгладить” неоднозначную информацию об источниках обогащения постсоветских богачей.

В настоящее время среди европейских стран наблюдается низкий уровень религиозности. Как свидетельствуют результаты Европейского социального исследования, лишь в таких странах, как Ирландия и Польша, около половины населения посещает религиозные учреждения чаще одного раза в месяц. В Украине, если учитывать вторую, третью и четвертую волны исследования, таковых насчитывается 11–17% населения [Головаха, Горбачик, 2010: с. 101]. Для детального анализа степени религиозных убеждений украинцев можно воспользоваться массивом социологических данных общенационального репрезентативного омнибуса “Общественное мнение в Украине–2007”, проведенного Институтом социологии НАН Украины в мае 2007 года. Методом раздаточного анкетирования по месту постоянного проживания было опрошено 1800 респондентов, по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения репрезентирующих взрослое население Украины в возрасте от 18 лет. Отвечая на вопрос “Каковы Ваши религиозные убеждения?”, всего 5,7% населения отметило, что глубоко религиозно, регулярно посещает церковь (мечеть, молитвенный дом), знает молитвы и религиозную литературу, придерживается в жизни религиозных предписаний (среди этой категории на долю православных приходится 56,9%, что составляет в целом по выборке 3,2%). Более трети (37,7%) населения Украины отметили, что считают себя религиозными, последователями конкретной религии, время от времени отмечают религиозные праздники, иногда посещают церковь (мечеть, молитвенный дом и т.п.). Четверть населения (25,1%) признало, что является религиозным (верит в Бога, бессмертную жизнь, посмертное воздаяние и т.п.), но не исповедует конкретной религии. Напротив, почти пятая часть населения оказалась нерелигиозной: среди них 4,3% являются убежденными атеистами и 16,5% равнодушны к религии и церкви. Однако интерес представляет двумерное распределение религиозных характеристик групп респондентов, продемонстрировавших нега-

тивные (ненависть, презрение, раздражение), позитивные (интерес, сочувствие, уважение) и нейтральные чувства к частным собственникам крупных предприятий (именно эти показатели анализировал В.Резник). Вариативный характер образа частных собственников крупных предприятий на первый взгляд почти не обусловлен степенью религиозных убеждений населения Украины (см. табл.).

Таблица

Распределение по религиозным убеждениям респондентов, ответивших на вопрос “Какое чувство у Вас вызывают частные собственники крупных предприятий? ”, 2007 год, %

Религиозные убеждения	Какое чувство у Вас вызывают частные собственники крупных предприятий?			
	Негативные	Позитивные	Нейтральные	
	Ненависть, презрение, раздражение	Интерес, сочувствие, уважение	Никакое	Трудно сказать
Убежденный атеист	25,6	39,8	33,3	1,3
Равнодушен к религии и церкви	23,9	38,7	32,3	5,1
Религиозный (верю в Бога, бессмертную жизнь, посмертное воздаяние и т.п.), но не исповедую конкретной религии	21,7	39,1	30,6	8,6
Религиозный, последователь конкретной религии, время от времени отмечаю религиозные праздники, иногда посещаю церковь (мечеть, молитвенный дом и т.п.)	22,9	38,5	31,0	7,6
Глубоко религиозный, регулярно посещаю церковь (мечеть, молитвенный дом), знаю молитвы и религиозную литературу, придерживаюсь в жизни религиозных предписаний и т.п.	12,7	40,3	34,3	12,7

Прежде всего это касается позитивных чувств, вызываемых крупными собственниками: в целом такие чувства свойственны 39–40% представителей каждой из групп респондентов. Однако распределение других чувств среди групп по религиозным убеждениям показало, что среди глубоко религиозных людей, которые регулярно посещают церковь (мечеть, молитвенный дом), знают молитвы и религиозную литературу, придерживаются в жизни религиозных предписаний, частные собственники крупных предприятий в меньшей мере вызывают негативные чувства, чем среди других групп респондентов. Следует обратить внимание на то, что данная категория отличается также большей неопределенностью в данном вопросе. Итак, можно констатировать, что глубоко религиозные люди из-за своих моральных установок в наименьшей степени склонны проявлять ненависть, презрение или раздражение к категории людей, которые неоднозначно воспринимаются в обществе. Однако чрезмерно малое количество глубоко верую-

щих людей (как в целом религиозных, так и православных в частности) в украинском обществе не дает оснований для вывода об определяющем влиянии религиозных установок на легитимацию деятельности крупных собственников.

Подводя итоги изложенному, отмечу, что в объяснениях взаимовлияний разных макроуровневых феноменов можно применять экспланаторно-аналитическую схему. Однако это возможно в том случае, если один из феноменов имеет устойчивые характеристики. В случае исследования изменчивых феноменов типа легитимации такая схема не сможет объяснить массовые психические состояния путем исследования ценностей и поведения как устойчивых микроуровневых факторов. В то же время применение “ванны Коулмена” может оказаться целесообразным в случае, когда конечным пунктом схемы будет, скажем, экономическая культура. По крайней мере попытка объяснения на основе данной схемы должна учитывать целый ряд факторов, а не только религиозные.

Источники

Волков В.В. Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хархордин. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с.

Гацков М. Социологический анализ и логос. Экспланаторная схема аналитической социологии / М. Гацков // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 4. — С. 143–161.

Головаха Є. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами “Європейського соціального дослідження” 2005–2007–2009 роки / Є. Головаха, А. Горбачик. — К.: Інститут соціології НАН України, 2010. — 118 с.

Зв’язки Господні. Віра може впливати на економічну поведінку, але не завжди безпосередньо // Український тиждень. — 4-10 листопада 2011 року. — № 45 (210). — С. 26–27.

Рахманов А. Особенности легитимации частной собственности в православии / А. Рахманов // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 4. — С. 101–113.

Резнік В.С. Легітимація приватної власності як концепт соціологічної теорії / В.С. Резнік. — К.: Інститут соціології НАН України, 2010. — 512 с.

Becker S.O. Was Weber Wrong? A Human Capital Theory of Protestant Economic History / S.O. Becker, L. Woessmann // Quarterly Journal of Economics. — 2009. — Vol. 124, № 2. — С. 531–596.

Berger P.L. The Desecularization of the World: A Global Overview / P.L. Berger // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics; ed. By Peter L. Berger. — Grand Rapids, Mich.: William B. Eerdmans Publishing Co., 1999. — P. 1–18.

Kuran T. Economic Modernization in Late British India: Hindu-Muslim Differences / T. Kuran, A. Singh. — Draft: January 2010 [Electronic resource]. — Mode of access: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic725938.files/Kuran_Singh_EMLBI.pdf.

Kuran T. Islam and Mammon / T. Kuran. — Princeton: Princeton University Press, 2004. — 194 p.